

Можно сказать все то же самое проще: мужчины действуют, а женщины выглядят. Мужчины смотрят на женщин. Женщины смотрят на то, как на них смотрят. Это в большинстве случаев определяет не только отношение мужчин к женщинам, но также и отношение женщин к самим себе. Наблюдатель внутри женщины — мужчина, а наблюдаемый — женщина. Таким образом, она превращает себя в объект, в объект видения — в зрелище.

Джон Бёрджер. *Искусство видеть*

Все мои портреты, написанные Пикассо, лживы. Это всё портреты Пикассо. Среди них нет ни одного портрета Доры Маар.

ДОРА МААР

Да, порой жизнь монотонна и банальна, как сейчас, когда я пишу эти строки, стараясь найти бреши во времени, чтоб сбежать через них.

Патрик Модиано. *Ночная трава*

Моей матери и Джесс

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Париж

С горечью осознала она, что в свои двадцать с небольшим так и не сумела наладить размеренную жизнь.

МЮРИЭЛЬ РАКЕЙСЕР. Дикая берег

1

Лия

Мое знакомство с Майклом Янгом началось с заметки в FUSAC (эту ежемесячную газету с объявлениями знает — и презирает — едва ли не все англоязычное сообщество Парижа). Ее синий, патерналистски-самодовольный заголовок — символ безработицы, отсутствия крыши над головой, невезения и общей неустроенности. Бесконечная вереница крохотных квартирок, которые вам никогда не удастся снять, да три бессменные вакансии, так и сяк тасуемые верстальщиком: няня со знанием английского языка, официантка в кафе-ресторан и вездесущий «администратор, готовый стать частью веселой и безбашенной команды австралийского бара!». Стоило услышать «FUSAC» — как в голове тут же возникал образ настороженного домовладельца-экспата, готового немного сбросить цену, если вы увлекаетесь нетрадиционной медициной. Или младшего сына техасского бизнесмена, патлатого завсегдатая богемных тузовок, который приехал в Европу с мечтой о собственном журнале для поклонников творчества Джона Кассаветиса и теперь отчаянно ищет авторов (бесплатного) контента. Эта газетенка была динозавром доцифровой эпохи, из тех, на ком и выросла вся эта гиг-экономика.

Тогда же примерно у меня вошло в привычку подолгу бесцельно бродить по городу. Как на автопилоте, вновь и вновь возвращалась я в одни и те же места — туда, где уже бывала прежде, когда не чувствовала себя столь бесконечно бесполезной. Места эти созвездием рассыпались по Парижу, как пронзающие слои времени якоря, которыми я цеплялась за многочисленные вехи своей памяти. Они служили мне свидетельством того, что время — это не какое-то там линейно-кинетическое чудовище, в неудержимой гонке пронсящее мимо меня. После окончания университета прошло уже три года, и я металась из стороны в сторону, не зная, куда прибиться. Казалось, предел возможностей давно достигнут — словно моя многообещающая юность обернулась каким-то недоразумением, не более чем поводом для ложных надежд, ведь протекала-то она в провинции (а я, при всем отвращении к самой себе, была не лишена снобизма).

По понедельникам я выходила из дому в то самое время, когда все нормальные люди отправлялись на работу. Вместе мы спускались в лифте с последнего этажа. Как правило, это были мужчины в строгих костюмах и кашне, при дорогих портфелях, почти поголовно привлекательные — но неизменно подавленные и с мешками под глазами. Из динамиков доносились фрагменты произведений для струнного квартета (одни и те же три фрагмента по кругу, которые даже спустя годы то и дело всплывали у меня в голове, и я могла целый день мычать их себе под нос, не понимая, откуда они там взялись). Мы приветствовали друг друга кивком или полуулыбкой, а иногда я даже предпринимала вялую попытку завязать беседу («*Fait froid*

aujourd'hui»¹ или «*J'ai toujours cet air dans ma tête!*»²), гадая про себя, что обо мне думает незнакомец. Может, решил, что я еще студентка, и его охватила тоска по беззаботной юности? А может, просто недоумевает, как эта жалкая особа оказалась в их респектабельном доме? Выходя из подъезда, мы коротко обменивались пожеланиями хорошего дня и немедленно удалялись каждый по своим делам, будто бы намеренно игнорируя один другого.

Улицы были переполнены такими же нормальными людьми. Я быстро проходила мимо них, словно у меня тоже был плотный график и внятный пункт назначения, преодолела спуск и подъем к станции Аббес, шагала по улице Мучеников, потом поворачивала восточнее, к 10-му округу, без всякого плана и замысла, повинувшись одному лишь неясному инстинкту двигаться вперед и вперед, к некоему началу координат — Сене, магнитом тянувшей меня к себе. В то утро я словно сомнамбула миновала мост Искусств и оказалась в Сен-Жермен-де-Пре. На бульваре ощутила уже знакомый укол ностальгии, который и был конечной целью моих прогулок. Здесь, напротив бутылочно-зеленого навеса *Les Deux Magots*, в пестрой толпе туристов, я вновь могла притвориться студенткой. Свободную от какой-либо ответственности, меня влекло вдоль улицы Сен-Пер, к кафе, где молодые люди в синих рубашках и красных брючках, обладатели роскошных кудрей и безупречных скул, вели беседы о Европейском союзе и стажировках в Нью-Йорке. Там я пристраивалась где-нибудь в сторонке, ссутулившись

¹ «Сегодня холодно» (фр.).

² «Эта мелодия никак не выходит из головы!» (фр.)

и поглубже засунув руки в карманы, — точно незваная гостя на чужой вечеринке.

В то хмурое утро все вокруг будто подернулось серой дымкой — и берега Сены, и величественное здание Института политических исследований, рассекающее улицу пополам. Единственным цветным пятном в помещении, не считая потускневшей неоновой полосы вдоль стен, была та самая казенная синева заголовка FUSAC, в сложенной у входа стопке газет. Взяв одну из них и усевшись в углу, я раскрыла ее на первой странице — *Annonces d'emplois*¹. Снова тягучая жвачка одних и тех же слов — «няня», «деловой английский», «администратор в хостел»... Но вдруг в глаза мне бросилось нечто необычное. В самом центре страницы заглавными, словно эсэмэска от бабушки, буквами значилось: «ПИСАТЕЛЮ ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК».

— *Mademoiselle!*

— *Je prends un p'tit café, s'il vous plaît*², — машинально пробормотала я.

«ПИСАТЕЛЬ ИЩЕТ ПОМОЩНИКА ДЛЯ РАБОТЫ
С АРХИВОМ И ПОИСКА ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ НОВОГО РОМАНА.

*Просьба не беспокоить, если вы носите имя героя
шекспировской пьесы или персонажа греческой мифологии.*

ПАРИЖ И ЮГ. ЧАСТИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ. МАЙКЛ.
01-14-24-60-86».

¹ Объявления о работе (фр.).

² Чашечку кофе, пожалуйста (фр.).

Я перечитала объявление раза четыре, пытаюсь справиться с волнением и отыскать хоть одну причину не звонить по указанному номеру. Что значит «Юг»? И вообще, когда вышел этот номер? Наверняка кто-то уже ухватился за такую возможность. Затем, как это обычно бывает, из текста на меня хлынули «добрые знамения»: 24 — мое счастливое число; в 86-м поженились мои родители; Майклом звали стоматолога, который когда-то ставил мне брекеты, — и с тех пор с зубами у меня полный порядок; да и вообще имя хорошее — даже на бумаге выглядит презентабельно. С другой стороны, зачем бы человеку с таким именем искать ассистента через газету для неудачников? Я робко, старательно обвела объявление в кружок (с наслаждением подумав: «Совсем как в старом фильме!») — и быстро сунула газету в сумку, чтобы отсутствие более решительных действий с моей стороны не так мозолило глаза.

*

— Дорогуша, понимаешь, я же такой уникальный! — заявил Ромен, и я кивнула в знак совершенно искреннего согласия. — Я такой открытый. Прямо как новая страница в блокноте — только и жду, чтобы мир набросал на ней свои идеи, чтобы я мог довести их до совершенства.

Он поиграл серебряной цепочкой на шее, отправил в рот ложку ярко-розовых гранатовых зернышек и с нажимом спросил:

— Понимаешь?

— Естественно, — живо отозвалась я (даже не догадываясь, о чем речь). Ромен поджал губы и положил свою холеную руку мне на колено. Под футболкой с глубоким V-образным вырезом напряглись мускулы.

— Вот почему ты для меня — *идеальная* учительница английского.

Я искоса глянула на упражнения, с таким трудом составленные накануне вечером, — и ощутила укол совести от того, как медленно продвигался под моим руководством процесс освоения им языка. Вот и теперь за целых два часа он выдал из себя по-английски лишь одну фразу — «Ариана Гранде сексуально танцует» да пару популярных словечек вроде *le marketing* и *un selfie*.

Ромен служил мне одним из трех источников заработка, не дававших пойти ко дну в тот странный период неопределенности. С этим известным в узких кругах гуру фитнеса я познакомилась, стоя как-то в пять утра в очереди в гардероб. Зрачки его красивых скучающих глаз были расширены до такой степени, что походили на два огромных черных озера.

— *T'as un accent*¹, — проговорил он, хватая меня за руки и растягивая губы в счастливой улыбке. Я — в таком же эйфорическом состоянии — просияла в ответ. До чего же *добры* люди и *чудесна* музыка и как *восхитительны на ощупь* его кожаные штаны!

— *Anglaise*², — выдохнула я, подергивая плечами в такт с пульсацией музыки и зажмурившись от восторга.

¹ У тебя акцент (фр.).

² Английский (фр.).

— *Mais c'est trop bien!*¹ — он вновь схватил меня за руки. — Я как раз ищу учителя по английскому! — он помолчал и пожевал губами. — Чувствую, мы с тобой родственные души.

В тот момент я чувствовала родственную душу в каждом из присутствовавших в зале, словно нас связывала незримая нить чистой энергии.

Тут он сунул мне в руку телефон — и светящиеся кнопки запрыгали и закружились у меня перед глазами. С третьей попытки мне кое-как удалось вбить свой номер — и этот момент стал для меня судьбоносным.

Встречи наши были хаотичными. Он то уговаривал меня на четырехчасовое занятие в Starbucks у станции Сен-Поль, то пропадал на несколько недель, а потом вдруг опять возникал из ниоткуда, забрасывая бесконечными сообщениями (иногда в три часа ночи) и настойчиво требуя, чтобы мы *непрерывно* повидались, потому что ему *непрерывно* нужно бегло заговорить по-английски, ведь от этого зависит вся его карьера. Чаще всего наши «уроки» кончались тем, что я переводила его переписку в Grindr, просматривала видеозаписи его тренировок в YouTube или выслушивала его бесвязные псевдодуховные излияния (одно из них вот-вот должно было начаться).

Помимо Ромена была еще подработка в модной кофейне и группа девочек лет двенадцати, у которых я вела курс «Английский по песням» (и благодаря которым досконально изучила творчество Джастина Бибера). Не то чтобы я была несчастна — отнюдь; вот только с каждым днем все отчетливее ощущала груз времени. Мне казалось, что его

¹ Да это же замечательно! (фр.)

остается все меньше, а сама я все сильнее отстаю от некоего графика.

Неудовлетворенность и беспокойство, судя по всему, вообще свойственны миллениалам. Большинство моих университетских друзей остались в Лондоне и уверенно взбирались по карьерной лестнице. Условно их можно было разделить на две группы: те, кого на время нескончаемых бесплатных стажировок содержали родители — и кто теперь нашел пресловутую «работу мечты»; и другие — кто постепенно растворился в Сити и чья жизнь все меньше и меньше походила на мою (вечеринки по пятницам в Сохо и Шордиче, безупречная одежда из COS и энергичная речь, пересыпанная аббревиатурами). Но даже самые завидные вакансии не вызывали у меня никаких эмоций — все эти разговоры о «кликбейте» и «установлении контактов с креативщиками». Хотя подозреваю, что равнодушие это граничило с некоторой завистью.

Я вернулась в Париж, где училась на третьем курсе, мотивируя это тем, что жилье там стоит дешевле, а работать придется меньше, чем в Лондоне, и у меня появится больше времени на «поиски себя» (или той области, к которой я проявлю хоть какую-то склонность). Но чем дальше, тем сильнее мне начинало казаться, что природа не одарила меня амбициями, и я почти смирилась с мыслью, что во мне нет ничего особенного.

Тогда я много думала о том, что мне следовало иначе распорядиться временем учебы в университете. Оглядываясь назад, я понимала, что первые два года пролетели в какой-то сладостной дымке. Я приехала из Камбрии, из крошечной деревеньки — грустного спутника медленно

умиравшего городка (тут и там — скелеты опустевших магазинчиков и автобусных остановок с выгоревшим на солнце, давно не действующим расписанием). Когда я в последний раз звонила маме, она рассказала, что там убрали даже банкомат.

Вряд ли такое происхождение могли счесть «гламурным» ребята из Оксфорда, Бристоля, Уимблдона или даже Новой Англии, умеющие поддержать беседу о русской классике, кимчи, законодательных нововведениях или сравнительных характеристиках авиакомпаний, выполняющих длительные перелеты. Родители у них работали на ВВС или в неправительственных организациях, тогда как моя мама была учительницей начальных классов, а папа — трелевщиком (высококвалифицированным работником, чья профессия с каждым днем теряла актуальность). «Дровосек» — придумала я чуть более романтичный и куда более понятный «перевод» для своих новых друзей. До сих пор помню, какую гордость испытывала в первые дни, рассказывая об этом однокурсникам, чьи родители занимались чем-то совершенно мне непонятным. Один юноша — сын социалистов из Далича — едва не выпрыгнул из своих роскошных шаровар, узнав, чем зарабатывает на хлеб мой отец. «Дровосек? — присвистнул он. — Ничего себе, вот это я понимаю, настоящая работа — возврат к истокам!»

Подростком я была чрезвычайно деятельной и амбициозной, но теперь даже те творческие увлечения, что служили мне утешением в затворнической юности (музыку и изящную словесность я считала фундаментом становления своей личности), подверглись сомнению и переоценке. На смену им пришли одержимость дневником, куда

я записывала все на свете, и запойное чтение в попытке угнаться за друзьями. К тому времени я еще не до конца оправилась от удара, нанесенного парнем, с которым я лишилась девственности (владевшим тремя языками и окончившим международную школу): мою тщательно подобранную фильмотеку он назвал «банальной»!

Потерять девственность для меня было все равно что сбросить старую кожу, заменив ее смиренной рубашкой. Само мое тело пугало меня — и лобковые волосы, и непривлекательные половые губы, но гораздо сильнее было отчаянное желание произвести впечатление на мальчиков, которые (как мне казалось) делали мне великую честь, согласившись переспать со мной. Мне так хотелось выглядеть в их глазах сексуально раскрепощенной и многоопытной, что в конечном счете все мои стремления свелись к единственной цели: сделать так, чтобы ему («он» в данном случае собирательный образ целой вереницы невероятно самоуверенных парней из среднего класса в мешковатых джемперах) было хорошо. Я воспринимала это как часть самообразования и, наверное, в каком-то смысле достигла поставленной задачи. Пожалуй, за эти два года меня всего лишь раз посетила мысль, что секс с партнером может произвести тот же эффект, которого я могла достичь самостоятельно. Однако осознание это имело привкус нечистоплотности и вины, поскольку пришло ко мне на скрипучем старом диване, с бывшим парнем подруги, в его сырой полуподвальной комнатенке на Чатсворт-роуд. Когда наутро он провожал меня до метро, от стыда за содеянное у меня подкашивались ноги. Больше всего хотелось вернуться домой и помыться.

В Париже все изменилось. Сбросив ярмо пусть и завуалированной, но оттого не менее коварной классовой системы (которую до поступления в университет я считала давно изжившей себя), я вновь обрела чувство собственного достоинства. В глазах парижан я была девушкой из Лондона, а не из никому не известного захолустья. Париж, поначалу представлявшийся музеем под открытым небом, пришелся мне на удивление впору: так же, как и я, он из всех сил сопротивлялся новым веяниям, цепляясь за прошлое. Я могла позволить себе не работать — благодаря полученной по программе Erasmus стипендии не пришлось устраиваться какой-нибудь официанткой — и писать исключительно в свое удовольствие.

В Париже я сделала свое главное (и, надо сказать, вполне предсказуемое) открытие: секс. Секс во Франции — особенно когда дни становились длиннее — был повсюду. Казалось, вся жизнь просачивалась через фильтр секса. Я узнала, что там считается абсолютно нормальным раздеть кого-то глазами прямо в метро или услышать от продавца в *papeterie*¹: «Какой нынче прекрасный весенний день — совсем как вы!» Французы были откровенны и при этом совершенно невозмутимы. Именно тогда я наконец поняла, что являюсь объектом сексуального влечения, решив использовать это как свое оружие.

¹ Магазины канцтоваров (*фр.*).

Пришла весна. Все уже высыпали на террасы, но еще кутались в пальто и гротескные шарфы. Над каналом пышно цвела глициния. Эмма затянулась сигаретой, которую мы раскурили на двоих.

— Так ты позвонишь? — спросила она.

Эмма была одной из моих более успешных подруг — если не самой успешной, поскольку даже полноценная взрослая жизнь (с кошкой и постоянным парнем) не мешала ей остаться нормальным человеком. Работала она на онлайн-платформе, посвященной искусству, и лишь каким-то чудом умудрялась не спровоцировать меня на убийство своими призывами «полюбоваться рассветом с крыши дворца эпохи Возрождения во время венецианской биеннале второго по значимости художника Пакистана». Пожалуй, она была самой стильной из всех, кого я знала, — невзирая даже на тот факт, что все ее тряпки выглядели так, будто их украли у восьмидесятилетнего затворника. По правую руку от меня сидел Алекс — он работал в магазине одежды, устроиться в который, не имея по всем правилам оформленного и раскрученного профиля в соцсетях, не стоило и мечтать. Я фыркнула (эту привычку я подхватила у французов), отмахиваясь от малейшего намека на ответственность и целеустремленность:

— Да не знаю. По-моему, это все бессмысленно, нет?

— И все же позвони. А вдруг там что-то крутое?

Сказать по правде, учитывая — как выразилась Эмма — «нарочитую расплывчатость» объявления, никто из нас доподлинно не знал, в чем заключалась работа. Даже слова

«архив и поиск», по сути, не несли в себе никакой смысловой нагрузки. Свое суждение мы вынесли, основываясь лишь на том, что предложение, вполне очевидно, относилось к туманной категории «сферы искусства» и для нашего замкнутого мирка выпускников художественных академий и прочих гуманитарных заведений было окутано неким флером притягательности и статусности. Все мы были молчаливыми участниками договора, велевшего нам обожествлять профессии креативных индустрий. А ведь Майкл (который, вполне возможно, вовсе отказался от фамилии — как Мадонна) мог вообще искать кого-то, кто поливал бы ему цветы, заваривал чай, а то и просто тешил его эго (и хорошо бы фигурально выражаясь, а не в буквальном, физическом смысле). Несомненно, если бы у меня появилась возможность представляться на вечеринках как *ассистент писателя*, мой социальный капитал (и наверняка еще и самооценка) взлетел бы до небес. Лишь позднее я осознала, что именно сакрализируя определенные виды труда, мы сами наделили видных деятелей искусства столь опасной властью.

— Честно говоря, когда читаешь это объявление, кажется, что автор — просто псих, — заметил Алекс, отвлекшись от телефона и положив его себе на колено. — Взять хотя бы этот пассаж про шекспировское имя — что за бред? — по мнению Алекса, большинство белых мужчин-натуралов были психами.

— Нет-нет, — возразила я. — Как раз этот момент меня больше всего зацепил. Может, он просто устал от всяких Крессид — с их долбаными неоплачиваемыми стажировками и домами где-нибудь в Стоквелле — и их засилья в сфере искусства...

Алекс скорчил гримасу, всем своим видом возражая против того, чтобы я пускалась в разглагольствования о социальной справедливости, — а мне в той же мере не хотелось, чтобы кто-то из друзей заподозрил, насколько я уже сроднилась с абсолютно незнакомым мне человеком. За минувшие сорок восемь часов я как только не представила себе нашу первую встречу — и лишь в двух вариантах развития событий присутствовали намеки на постепенно нарастающее обоюдное влечение.

— О боже, — взвыл Алекс, будто прочтя мои мысли, — если ты и в самом деле получишь это место, то обязательно переспишь с ним — а вдруг он окажется каким-нибудь самодовольным папиком-бумером...

— Наверняка Крессидой зовут его дочку, — вставила Эмма. Я изобразила негодование — впрочем, неубедительно даже для себя самой.

— И все же ты *должна* позвонить, — подытожил Алекс после минутной паузы. — В конце концов, он же будет тебе платить! Может, ты наконец вырвешься из своей кафешки?

Мы часто говорили о том, чтобы мне «вырваться из кафешки», будто о некоем чудесном спасении, которое произойдет как бы само собой, но волшебным образом преобразит всю мою жизнь, привнесет в нее смысл и порядок: иными словами, работу и мужчину. Из-за этих разговоров я даже стала покупать лотерейные билеты в табачном киоске на углу.

— Знаю, знаю, — искренне отозвалась я. — Конечно же, я *позвоню*.

Тут подоспел и второй графинчик корбьерского. Я и после первого уже ощущала в ногах приятное онемение. Эмма передала мне остаток сигареты.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru